

Мария Гулегина — «Газете»

«Меня хоть в смирительную рубашку завяжи — все равно буду петь»

Завтра в Московском международном доме музыки — одно из главных вокальных событий года: сольный концерт Марии Гулегиной, нашей бывшей соотечественницы, одной из лучших оперных певиц, давно покорившей самые престижные сцены мира. Программа составлена из фрагментов опер, которые обычно причисляют к направлению «веризм» — то есть к направлению в итальянской опере, стремившемуся выразить чувства, бушевавшие в людях в экстремальных ситуациях повседневной жизни. Накануне концерта певица согласилась рассказать корреспонденту «Газеты» Ярославу Седову о чувствах, которыми она сама испытывает на сцене и за ее пределами.

Большинство ваших героинь — Леди Макбет, вавилонская узурпаторша Абигаиль, итальянская певица Флория Тоска и другие — сметают на своем пути все преграды, мешающие проявлению их чувств. У вас характер такой же эмоциональный?

Бешено эмоциональный. У меня в юности были проблемы из-за этого: эмоции переклестывали и какая-то нота могла не прозвучать так рафинированно, как требуют правила бельканто. Но мой учитель Ярослав Антонович Вошак понимал меня и всегда говорил: «Верхняя нота — не просто нота, а всплеск эмоций, выраженный в музыке». Но сейчас, когда я уже могу опираться на мастерство, я не думаю о нотах вообще. Конечно, этому предшествовала огромная работа. Теперь я просто получаю огромное удовольствие от каждого выхода на сцену.

О вашей выносливости, способности чуть ли не ежедневно петь самые изнурительные партии, перелетая с континента на континент, ходят легенды.

Да, я как сумасшедшая, меня хоть в смирительную рубашку завяжи — все равно буду петь. В 1996 году, например, я была дома только двадцать один день. Потом подумала: «Зачем?» Все-таки качество спектаклей от усталости снижается. Да и сын маленький дома, шесть лет ему. Но все равно. Вот вы говорите «трудные партии». Да, Абигаиль в «Набукко», например, — это редчайший пример драматической колоратуры: нужна и мощь голоса, и драматизм, и подвижность. Но для меня эти трудности — как струя воды. Я от этого балдею, упиваюсь. «Макбет», «Эрнани», «Трубадур», «Травиата» — купаюсь в этой музыке. «Норму» тоже люблю, но в ней много боли.

После вашего отъезда в Европу вы не появлялись в России около 15 лет, а теперь часто выступаете здесь с концертами. Есть ли у вас планы выступить тут в спектаклях?

У меня времени нет, и потом, я хочу делать только то, что знаю, умею и люблю. Когда публика идет на Гулегину, она должна получить то, что есть Гулегина, а не то, чему меня научит необразованный дирижер или бездарный режиссер. Я не хочу никого обидеть, честь и хвала людям, которые пытаются что-то создать. Но я предпочитаю работать с мастерами такого класса, как, например, Юрий Темирканов. Я бы мечтала записать с ним русскую музыку.

А что вас более всего беспокоит в отношении нынешнего места оперы в ряду других видов искусства?

Фото: ИТАР-ТАСС

Да опере просто конец приходит из-за этих дешевых crossover — попыток заигрывать с другими жанрами, приближения ее к попсе рекламой, игры в секс-символы. Я бы обиделась, если бы меня называли секс-символом. Конечно, мне приятно, ко-

гда я произвожу впечатление как женщина. Но если меня начнут ценить только за это и будет уже не важно, как я пою... Мне обидно даже, когда говорят: «Какой у вас красивый голос». Ведь голос — только база. А как же роль, музыкальный стиль, весь твой образ?

Певец должен производить впечатление всем комплексом своих художественных средств. А открытые части тела надо в другом месте смотреть. Там, кстати, возрастной ценз — до 25 лет. А опера только начинается, когда в шоу-бизнесе уже все закончилось.